

18+

Олег Александрович Делёв

ЦЕНОЮ В ЖИЗНЬ!

Олег Делёв

Ценою в жизнь!

«Издательские решения»

Делёв О. А.

Ценою в жизнь! / О. А. Делёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986443-7

Сборник рассказов. Книга будет интересна всем, кто ностальгирует по далёким 70-м, переменчивым и незнакомым 80-м, пугающим 90-м, интересным 2000-м, где в образе сначала мальчика, а затем молодого человека и повзрослевшего мужчины, возможно, увидят себя, удивительным образом попадающим в разные жизненные ситуации и, оставаясь в живых, чтобы двигаться к новым приключениям.

ISBN 978-5-44-986443-7

© Делёв О. А.

© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Ушел под лед, но отец спас	7
Гвозди в лоб	8
Сарай с гвоздями и скобами	10
Обкурился сигарет вусмерть	11
Отец не дал утонуть второй раз	12
Пожар на складе	13
Взяли на благо общества	15
Ампутировать ногу? – Нет	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ценою в жизнь!

Олег Александрович Делёв

© Олег Александрович Делёв, 2020

ISBN 978-5-4498-6443-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник рассказов. Книга будет интересна всем, кто ностальгирует по далеким 70-м, переменчивым и незнакомым 80-м, пугающим 90-м, интересным 2000-м, где в образе сначала мальчика, а затем молодого человека и повзрослевшего мужчины, возможно, увидят себя, удивительным образом попадающего в разные жизненные ситуации и остающегося в живых, чтобы двигаться к новым приключениям.

Вступление

Отцу посвящается.

Мой отец говорил: «Делай добро людям, и оно добром к тебе вернется».

А еще он говорил: «Верь людям и в первую очередь видь в них хорошее».

Наверное, поэтому мы, кто живет только добром в жизни, часто верим в своих ангелов, которые помогают нам в трудную минуту, порой опасную для нашей жизни и порой приходящую без нашего ведома в неизвестное нам время.

Ушел под лед, но отец спас

1972—73 годы. Мне было где-то 6—7 лет. Я рос очень подвижным и непоседливым мальчишкой. Все тянуло меня куда-то, звало. Я любил тогда, как и во всей моей жизни, носиться с друзьями по дворам, путешествовать, а также с родителями выбираться куда-то, особенно на рыбалку с отцом. Таких дней было мало, так как отец работал на стройке и часто уезжал в командировки.

И вот однажды зимой отец сказал, что мы можем пойти на рыбалку, но не далеко за Волгу, а рядом с нашим правым берегом, так как я был еще не такой большой для походов за реку. Конечно, я обрадовался!

Мы с вечера готовили снасти, одежду. Сходили за мотылем. Хотя честно, я не так сильно помню сами приготовления. Этот день у меня в памяти остался по другой причине.

Мы шли к реке. Я был радостный, веселился и все время забегал вперед, чтобы быть первым на льду и в итоге первым начать рыбачить. Зима была холодная, и река Волга уже покрылась льдом. Рыбаки давно начали ходить на рыбалку через всю реку. Мы с отцом спустились к реке и прошли по льду около берега, который не показывал никаких признаков опасности. Я, как кутенок, бегал вокруг, прыгал, наслаждался. В те дни стояла очень солнечная погода. Мы пошли не по самому льду, а по понтонам лодочной станции, которая пустовала зимой. Оставленные понтоны вмерзли в лед. Лодки все убрали по домам. Мы не поняли, что случилось и почему лед был хрупкий или в трещинах. Но после моего очередного прыжка на лед я ушел под воду. Хорошо, отец был рядом. Он вытащил меня за шиворот с ловкостью и без лишней суеты. Он быстро схватил меня на руки и потащил в близлежащий цех деревообрабатывающего комбината, который, на счастье, стоял рядом на берегу Волги. Нам повезло с этим, потому что цех стоял недалеко, около 100 метров от берега. В этом цеху использовалась какая-то технология, что требовала тепловую обработку. В цеху была своя котельная с котлами, и там стояла жара. Были душевые для рабочих. Отец втащил меня в этот цех, раздел и поставил под горячую воду. Народ помог развесить одежду у котлов, чтобы сохла. Кто-то принес чаю, и мы просидели часа два в этой котельной. Я обсох, мои вещи высохли, и мы вернулись домой.

Я не помню, чтобы мы что-то сказали маме, а также не помню, чтобы отец ругал меня. Он больше все молчал, наверное, как и я, испугался. Но все закончилось хорошо.

Гвозди в лоб

Можно начать со шрамов, которые украшают мужчин, как говорят, и которые есть почти у каждого. Вот и у меня есть парочка уже еле заметных ямочек на лбу справа, одна чуть больше, а вторая поменьше.

В тот осенний день мы с друзьями и подружками (как ни странно сейчас это звучит, но в 70—80-е во дворах все вместе играли – и девчонки, и мальчишки, да и порой взрослые тоже), придя со школы и побросав свои портфели, высыпали гурьбой во двор. Погода все еще стояла теплая. После долгих споров мы выбрали себе игру – прятки. Посчитались, чтобы выбрать, кто будет водить. Кто-то из нас начал водить, закрыв глаза и громко считая. Все остальные разбежались в разные укромные места вокруг нашего дома, многоквартирного одноэтажного барака, который стоял в частном секторе, окруженный частными домами с их садами, огородами и заборами. Да и в нашем доме было все обнесено заборами и огородами для каждой семьи. В общем, места для того, чтобы спрятаться, было сколько угодно. Пока наш «водитель» считал, закрыв глаза ладонями и отвернувшись от нас, мы побежали группой ребят за дом, стараясь быстрее занять место. К этому времени мы, похоже, уже сыграли несколько раз, потому что солнце садилось и наступал вечер.

И вот мы бежим молча, толкая и опережая друг друга, чтобы не выдать себя. Только шорох одежды и нашей обуви. Мы завернули за угол и постояли немного, потом все же решили спрятаться в зарослях лопуха и какой-то высокой травы, которая росла обильно в том месте из-за низины. Траву и наш дом отделял забор, который почему-то был не достроен или кто-то из него вырвал часть штaketника (досок), и поэтому в заборе зияли дыры. Мы-то их и использовали, чтобы обогнать «водилу» и прибежать к месту начала игры вперед «водилы». Мы еще звали их – те, кто «мается». Я не знаю, есть ли такое слово вообще, но что означает это слово, было понятно. И вот, выждав «положенные» для сидения в тайнике минуты, мы стали высываться из-под лопухов, чтобы посмотреть, нет ли на горизонте кого. Тянушка во времени нас угнетала, и мы по-одному, кто посмелее, вышли из укрытия, пролезли в дыру в заборе и вдоль стены дома покрались тихо, чтобы не попасться на глаза «водителю», так как если он обнаружит тебя, то наступает твоя очередь «маяться». И тут кто-то испуганно крикнул, что кто-то идет в нашем направлении. Мы руки в ноги и вперед, обратно в укрытие. На дворе вообще стало темнее, и только красное от заката небо освещало все вокруг. Предметы становились расплывчатыми и неясными. Вот в это время я, самый последний бежавший в укрытие, должен был нагнуться в дырку и спрятаться на другой стороне забора.

Я как сейчас помню удар головой о перекладину забора и еще какой-то хруст, а потом немного боли и что-то горячее потекло по лицу. Я не заорал, так как неохота было выдавать себя и других. Игра же все-таки. Смахнул рукой с лица то, что текло, и нырнул за всеми. Но потом уже были крики моих друзей и суматоха во всем доме. Выбежавшие взрослые прикладывали к моему лбу вату и бинты. Наскоро перевязали меня и бегом потащили за руку в больницу, так как это было быстрее, чем вызвать скорую и дожидаться ее. В больнице нам сказали, что я чем-то острым пробил голову в двух местах, наложили швы и повязку, на которой выступили капли крови. Врачи сказали, что мне повезло, что не так глубоко эти гвозди (как уже стало известно) вошли. Дома мне, конечно, досталось.

Зато на следующий день я, как герой гражданской войны, красноармеец (вот такие у нас тогда были герои в 70-х), отправился в школу, где было много рассказов и переживаний. Потом я еще долго был «раненым» в наших играх про войну. А еще мы утром с друзьями пошли смот-

реть этот забор и увидели, что из него торчали огромные гвозди и я каким-то чудом не напоролся на них во всю длину. И тогда...

Что было бы тогда, никто не знает, да и кому охота придумывать всякие истории. Самое главное, я не сильно пострадал и продолжил носиться по улицам с утра до ночи, ища новых приключений.

Сарай с гвоздями и скобами

7 лет, чудесный возраст. Кто знает, что такое сарай, тот, наверное, представляет себе, как раньше во дворах такие сараи были для каждого жителя дома, соединенные между собой. В нашем случае барака, образуя длинные, серые, несуразные сооружения, похожие на лабиринты. Для нас, для ребятни, это было то, что надо, предоставляя возможность играть во многие игры (войну, казаки-разбойники, прятки и др.) и пропадать на улице с утра до ночи.

В один такой прекрасный день мы с друзьями решили поиграть в догонялки. Кто кого догонит. Догоняющий должен был догнать кого-то из нас, догоняемых, чтобы самому стать догоняемым. Такие вот правила. Я помню, мы были невероятно изобретательны в выборе мест для догонялок.

О-о-о! Это было что-то!

Мы играли везде, где только можно. Только представьте: на воде на Волге, на деревьях, на земле, просто бегая, в поле в стоге соломы, на скалах, в цехе деревообрабатывающего комбината, на развалинах разбитого оборудования и т. д. В этот день мы догоняли друг друга на крышах сараев, перебегая с одного строения на другое и прыгая, не касаясь земли. Кто спрыгнет на землю (иногда просто падая), тот становится догоняющим. Хочу сказать, что было у нас, где повеселиться – пять строений в трех дворах. Сколько мы получили от наших родителей и соседей, не счесть, но все равно мы собирались во дворе и играли сами.

Как я помню, было очень классно. Мы носились, 4—5 человек, и никто нас не трогал. И вот я от кого-то убежал, прыгая с одного сарая на другой. В очередной прыжок доски под мной захрустели, рубероид (покрытие крыши сараев) разорвался, и я, закрыв глаза, полетел вниз вместе с кучей обломков и пыли. Лететь немного надо было, сарай высотой около 2,5 метров. На мне были шорты и летняя маечка. Пролетев эти 2,5 метра и выдохнув после испуга, я открыл глаза. И тут же их закрыл. Я стоял на ногах на земле и не мог шевельнуть ничем. Вокруг меня торчали своими ужасными остриями огромные ржавые гвозди и скобы, вбитые во множество досок. Сарай сверху донизу был забит таким материалом. Соседи недавно купили под снос домик какой-то, с него забрали все доски, полы, перекрытия и все это кучей так закинули в этот сарай. Я испугался, что я проткнут насквозь и просто не чувствую боли. Потихоньку я начал крутить головой и шевелить руками, как мог, и ногами. Все работало. Я также увидел, что моя одежда разодрана на мелкие лоскутки, свисающие лохмотьями вдоль тела. А вокруг была тишина, никого. Друзья убежали. Мой голос осип от испуга, но потом я все громче стал звать на помощь. И тут появились мои друзья на крыше, заглядывая поочередно в пролом. Потом они позвали более старших ребят, один из которых и был хозяином сарая и всего материала, вернее, его родители. Открылась дверь в сарае, и послышались голоса взрослых. Началась операция «Спасение».

Нам тогда всем досталось от наших родителей. Но мне поменьше, так как на мне не было ни одной царапины и я остался после всего живой. Все видели, что было вокруг меня, и спрашивали меня потом, как я туда залез. Никто не верил, что я провалился сквозь крышу. Вот так мне повезло в этот день. Ох и было у нас рассказов потом во дворе и в школе.

Обкурился сигарет вусмерть

Я не курю вот уже всю мою жизнь, и на это есть простое объяснение. В первом классе обкурился так, что не мог идти и меня старшие пацаны несли на своей спине.

Потом отец меня выпорол ремнем. Но то было потом...

А этот день был, как все обычные школьные дни в сентябре. Но мы не пошли в школу, мы собрались в маленькую группу 5—6 человек и просто шатались по городу, стреляли «бычки», тырили лимонад из Лимонадки. И тут мы наткнулись на какое-то сгоревшее строение, стоявшее где-то за гаражами на отшибе. Нам было интересно, что там сгорело и как. И лазили там, пока кто-то из нас не провалился. Только нога, ничего страшного. Но интересно же было, куда провалился-то. Посмотрели внутрь, а там типа подвала помещение было. Начали открывать, выламывая осторожно доски, и так, чтобы нас никто не заметил. «Проработав» 30—40 минут, мы сделали туда лаз, и... о-о-о чудо!

Это был настоящий клад. Только не из золота и изумрудов, а со всякой дефицитной: конфеты шоколадные, шампанское, леденцы, шоколад и сигареты с фильтром. Простояв несколько мгновений и не веря в такое чудо, мы стали трогать все руками, а потом просто стали все уплетать, закуривать сигареты и запивать шампанским, которого было не так много. В основном мы курили и ели конфеты. Это было все в полумраке подвала, и только наши глаза и зубы посверкивали в тусклом свете маленькой дырки в потолке. Мы ели и курили час, потом два, потом уже не помнили. Искурили где-то по блоку или около того. Просто сумасшедшие! Дорвались до бесплатного, как говорится – это и понятно, в эпоху всеобщего дефицита. Только под вечер мы кое-как вылезли наружу, одурманенные от всего, а больше всего от курева.

И тут произошло интересное: я не мог идти, падал, и меня тошнило, голова шла кругом. Кто-то из старших пацанов взвалил меня себе на спину, и мы украдкой, дворами, пошли домой. А в это время нас уже искали, или, вернее, меня. Моя мама постоянно искала меня, если я где-то пропадал и не приходил домой. К маме в этот день присоединился и отец. Он встряхнул меня сильно со спины старшего друга, который тут же испарился, опасаясь, что ему достанется. Я, заплетая ногами, еле дошел до дома. Там отец меня выпорол по моему заду ремнем, а потом я стоял на коленях в углу.

Жестоко, но правильно! Я мог умереть от никотина в тот день или отравиться и остаться калеккой. Но, слава Богу, все обошлось, а мои ссадины от порки прошли. Зато с того дня я не выношу запаха сигарет.

Я иногда так шучу по-черному, когда кто-то ноет, что никак не может бросить курить. Я говорю, что у меня есть проверенный способ, и рассказываю историю.

Народ пугается и просто не верит.

А это чистая правда – такое со мной было.

Отец не дал утонуть второй раз

После того как я тонул в 6—7 лет, мне, наверное, было мало. Но а если серьезно, то мы в юном возрасте (8—9 лет) и не представляем, какие вокруг нас опасности. Вот и на этот раз все произошло быстро и даже не от баловства, скорее по неосторожности.

Было начало сентября, когда днем припекало солнце, а ночью и ранним утром уже было холодно. Уходя рано утром на рыбалку, мы уже надевали теплые вещи. У меня было такое поношенное, на все случаи жизни, зимнее драповое пальто, и даже с цигейковым воротником. На ногах были теплые, «прощай молодость», ботинки. А еще свитер и теплые брюки. Мы сидели на плотках и ловили на донки лещей и подлещиков (вернее, хотели поймать). Я сидел один, а отец где-то поодаль от меня. Я помню, как я потянулся за удочкой, но не удержался и упал в воду головой вперед, так как на мне было много одежды, которая быстро впитывала в себя воду и тянула меня ко дну. Я попытался выплыть, но безрезультатно. Отец быстро оказался рядом и выдернул меня из воды.

На этот раз мне влетело, что был неаккуратным и невнимательным. Я и не сопротивлялся, потому что испугался сильно, нахлебавшись воды. Потом уже было не до рыбалки. Да и не надо, ведь не это было главное.

Спасибо отцу – он второй раз спас меня.

Пожар на складе

В любом городе у детей, у ребят, подростков есть такие потайные от взрослых места, где они любят собраться вместе, чтобы поиграть, поговорить или побаловаться – что-то разбить, поломать, подшутить над кем-то. Таким местом может быть чердак дома, подвал, чья-то дача, крыша дома, какие-то пещеры, стройка. У нас было все из перечисленного, плюс еще у нас был деревообрабатывающий комбинат, где мы знали почти каждый уголок в каждом цеху.

Как это получилось, что мы знали все?

Да все очень просто – в выходные дни почти все цеха были закрыты и не работали – ВЫХОДНОЙ. Были, конечно, сторожа, но они обычно сидели в своих помещениях, читали, пили чай и в основном следили, чтобы оборудование не вынесли, а не продукцию. Выходной, конечно, был, но только не для нас. Мы приходили на завод, перемахнув через забор или пролезнув через дырку в заборе, а обычно мы просто проходили через проходную, где нас никто не останавливал. Дети – думали на проходной. После мы шли по заводу и смотрели, куда бы нам забраться, чтобы там провести время.

В один из таких дней мы проходили мимо склада полуфабрикатов, ДВП-плиты. Этот полуфабрикат выглядел, как мягкая плита, где-то 1.20 x 2.0 метра размером, уложенная штабелями в складу.

Что же интересного было в этом складе, заполненном такой плитой?

Мы играли там в прятки, в догонялки. Но самое привлекательное было, когда ты забе- решься как можно выше на складе (на штабеля поддонов, на балки и перекладины склада) и прыгаешь в такую мягкую массу, которая разлеталась в разные стороны. Иногда прыгнешь и от твоего тела остается почти ровный трафарет. После долгих игр требовался перекур, в пря- мом смысле слова. Мы всегда брали с собой курево и, естественно, спички. Для нас не было ничего страшного сидеть в помещении, наполненном такой легковоспламеняемой плитой (как в пороховой бочке) и спокойно курить. Я уже не курил к тому времени. Выкурив по 2— 3 сигареты, мы с друзьями выбрались наружу, чтобы подышать свежим воздухом и пошататься по территории где-то в другом месте, а таких мест было достаточно. Цеха завода стояли в хол- мистой местности, поросшей молодыми невысокими деревьями – липы, клены, тополя, березы. Не обращая внимания ни на какие звуки, мы с криками и визгами пробирались на самую вер- хушку холма.

И тут мы услышали вой сирен, сначала где-то далеко, а потом все ближе и ближе. Мы сразу же увидели клубы дыма в том месте, где мы только что были, и, не говоря ни слова, мы поняли сразу все – загорелся склад, где мы только что побывали. В другом бы случае мы бы были там первыми, чтобы посмотреть пожар, но мы кинулись врассыпную не разговаривая, а быстро убегая с территории завода. Каждый бежал в направлении своего дома, чтобы как можно быстрее оказаться дома и затаиться, делая что-то по дому, и находиться на виду у всех (типа создавали алиби). В этот день мы раньше обычного были дома (что, само собой, могло нас выдать) и были все такие послушные и тихие как мыши (что тоже указывало, что мы где- то нашкодили, если так можно было назвать пожар). Такими тихонями мы были около недели, никуда (особенно на комбинат) не ходили, все боялись, что за нами придут. В школе и после нее мы (участники события) собирались, чтобы поделиться последними новостями с завода

(у нас у всех кто-то там работал). Но проходили дни и никто не приходил за нами. На второй неделе мы узнали, что пожар погасили сразу и не было такого большого урона. Никто из нас не был привлечен. Вот повезло!

А этот склад мы потом годами обходили стороной, а потом его вообще снесли. А в 90-е снесли и сам завод, растащив на металлолом и на стройматериалы, только сваи сейчас торчат на месте бывших цехов.

Взяли на благо общества

Иногда в жизни бывает так, когда что-то у какой-то компании (коллектива) нет, но это необходимо для якобы правильных целей. Это что-то приходится брать, рискуя быть пойманным, но думая, что это на благое дело. Другими словами – иногда маленькие проказы выливаются в большие шалости и провинности, но по чистой случайности или везению никого не наказывают. В том числе и меня.

Все началось с двух шариков для настольного тенниса.

Кому-то из нас их привезли в подарок (представьте, как мало нужно было в 70-е). Собравшись зимой в коридорах наших малосемеек (бараках), мы долбили ими об стену и пол, только аккуратно, чтобы не разбить. У нас тогда не было ни ракеток (самодельные ракетки сделали из фанеры), ни теннисного стола. Да и куда его поставишь, не было для этого места, только если на улице. Нужно было ждать весну или лето. И тогда кому-то в голову пришла идея достать ракетки и стол, чтобы потом поиграть в теннис. Сказано – сделано, тем более деревообрабатывающий комбинат под боком.

И вот компания из 8—10 человек субботним или воскресным вечером, когда уже было довольно темно, двинулась на комбинат «добывать» себе теннисный стол, а вернее, плиту ДСП. Шли не такой общей толпой, а маленькими группами, чтобы не привлекать внимание. Мы все знали, где на комбинате можно взять ДСП, и сразу направились в этот цех, пролезли в дыру в кирпичном заборе (ни тебе сторожей, ни охранных агентств). Осмотревшись и убедившись, что никаких авральных работ в цеху нет (чтобы догнать план, в честь победы революции, в честь вождя пролетариата, в честь... в общем, доставалось взрослым работать бесплатно тогда), мы начали искать место, где залезть в цех. Это было легко сделать, да и лезть никуда не пришлось, тележка-вагонетка (металлическая тележка, движущаяся по рельсам, что проложены через весь цех) стояла с готовой продукцией (ДСП) на улице, возле ворот цеха, что были с торца здания. Плит было много, около 50 или 100. Размер плиты был 2 на 3 метра или что-то в этом роде. Тогда нам казалось, что большая была плита, вот поэтому и народу нас было 8—10 человек. Распределили роли – кому смотреть, не идет ли кто с обеих сторон цеха (а проще на шухере), кому забрать плиту с тележки и волочь ее в укрытие, а оттуда уже и домой.

Несколько раз по переулкам нашего городка проезжала милиция – то на мотоцикле «Урал», то на УАЗике. Мы маскировались за заборами и поленницами дров у частных домов. Нас никто не заметил. Мы надеялись, что одну плиту из сотни-другой никто не заметит на комбинате. Так оно и вышло. Никакой тревоги – сторожа мирно спали и охраняли только свой покой и сон. Все было советское, все было общее (хотя сроки по хищению государственного имущества давали намного больше, чем за хищение личного).

Мы потом распилили стол по нужному размеру. Покрасили его в зеленый цвет. Потом мы играли в теннис настоящими ракетками, которые купили в складчину. Играли до самого поздна, пока в ночи не было видно шариков.

Ампутировать ногу? – Нет

7—8 ноября 1979 года – праздник, посвященный Великой Октябрьской революции.

В городе развеваются красные флаги, и бантики на одежде взрослых и детей. Все спешат на праздничный парад в центре города. Играет парадная и маршевая музыка, весь транспорт с митингующими движется в центр. Чувствуется, что это действительно праздник: кругом шары, транспаранты с портретами «любимых» вождей революции и партии. Никто не идет пустым. Кто повзрослее, уже с утра принял по стакашку или по два.

Собравшись в школе и получив распределение, с кем нести плакаты, мы рассаживались по машинам и автобусам, чтобы добраться до центра города Октябрьска. С песнями и криками, с ветерком и немного морозом (в этот день уже лежал снег и было морозно) мы не заметили, как доехали до места. Выгрузившись и прихватив транспаранты, каждый, либо в одиночку, либо в паре, шел к месту сбора школы – между кинотеатром «Мир» и ДК Железнодорожников. Люди как муравьи стекались в одно место, двигаясь со всех направлений, и на белом свежем снегу было четко видно черные или темные тона людской одежды и зданий и красное зарево флагов и транспарантов. Белое, Черное и Красное. Заменяем Черное на Синее с синего неба. Получаем Белое, Синее и Красное.

Белое, Синее, Красное – российский триколор. Ну это так – чисто мое отступление, так как до триколора было еще более 10 лет.

Дурачась, кидаясь снежками и толкаясь, мы с друзьями из класса и с моего двора быстро добрались до места. А наро-о-оду – тьма. Как будто весь город вышел на улицу. А ведь было кому выйти-то – 10—12 школ, 1 ГПТУ и масса больших и средних предприятий – ДОК, ЖД депо, завод металлоконструкций, нефтебаза, швейная фабрика, больницы, кинотеатры и так далее, и так далее, ну и конечно городское начальство во главе с партийным. Река народа. Хоть было холодно, но все равно в одной массе чувствовалось тепло, все улыбались, шутили. Мы, простояв около часа и продвинувшись метров на двести, уже продрогли в своих, не зимнему, одежонках. То и дело бегали в близстоящие дома греться в подъездах.

Тут среди моих друзей прошел слух, кто-то сходил куда-то и принес портвейна пару бутылок. Где он это достал в праздник, никто не знал, но для нас это была маленькая радость (вот такое было наше детство, рано начинали пить, курить). Хлебнув украдкой из горлышка эту мерзкую жидкость, мы сразу ободрились, и, посмотрев в окно, где там наша школа, и убедившись, что еще нескоро нам до прохождения перед трибуной, мы маленькой шайкой пацанов побежали на горку кататься. Уже кто-то накатал узкую ледовую полосу, ухитрившись это сделать на ступеньках в парке ДК, которые занесло снегом, и ступенек-то не было видно, просто угадывались. Они довольно высоко поднимались вверх, в гору. По бокам ступенек шли кирпичные перила в полметра высотой с мраморными плитами на них. Мы летали с самого верха, стоя на ногах, падая и на спине, на животе скользили вниз. Крик, гам, ругань. Всем хочется проехать «круче» всех. На одном таком заходе я упал кубарем и, переворачиваясь, ударился левой щиколоткой о мраморную плиту.

«Ой б...я!» – вскрикнул я, растирая ушибленное место.

Пролежал на снегу минуты три, встал и попробовал наступить на ногу. Тупая боль пронзила ногу, но через некоторое время я смог с помощью друзей передвигаться, а через минут

десять вообще смог идти. Как раз к этому времени мы увидели, что школа вот-вот вступит на площадь, и поэтому пришлось бежать, а мне прихрамывая.

Держа транспарант над головой и крича «Ура-а-а-а-а!», я вместе со всеми в школьной колонне прошелся перед трибуной, городской версией мавзолея, где, махая нам руками, стояли наши местные вожди – вожди краснокожих, а вернее красноРожих (не в обиду будет сказано). Все приняли по чуть-чуть (и даже мы), а им-то тоже не грех, им-то всех труднее работалось. Интересно, а что они попивали? Никак коньячок какой-нибудь заморский.

Торжественный проход занял всего 5—10 минут, но зато простояли часа три, прождали этого долгожданного момента. Сразу же за трибунами колонны школ, заводов и других учреждений рассыпались в разные стороны, волоча за собой плакаты, и быстрее возвращались к машинам, автобусам, чтобы сдать инвентарь (так уже это все называлось после парада), идти и продолжать праздновать.

Наутро у меня заложило горло, поднялась большая температура. Ангина. Вот тебе и попраздновали. Поглотав антибиотики, все вроде прошло через пару дней или неделю. Ни температуры, ни горло не болело. Я собрался в школу. А вот еще через пару дней невероятная боль и ломота накрыла мою ногу, голова тоже трещала от боли. Посмотрев на левую ногу, мы (я и родители) не узнали ее. До этого тонкая лодыжка и щиколотка стали размером, что нельзя было обхватить ее и нельзя было наступать. Приехали. Тут я вспомнил, что ушиб ногу на параде, я сказал об этом родителям. Мы вызвали скорую, врачи приехали и дали обезболивающих и что-то еще и отвезли в больницу, где дежурил врач-хирург, знакомый отца. Он посмотрел ногу и сказал, надо ложиться в стационар. Меня положили с ногой в нашу местную больницу, в общую палату номер 1, вместе с язвенниками, сердечниками, с травмами и с прочими недугами людьми. Мне дали костыли и показали, как скакать на них.

Не знал я тогда, что скакать мне придется три года!

В больнице сделали рентген и не нашли ничего – ни перелома, ни трещины. Отлично, значит, скоро домой, как мы думали. Для предохранения мне наложили на ногу гипсовый лангет. От боли стали давать анальгин и начали колоть уколы с пенициллином в ягодицу, превращая ее (попу) в решето. Первая неделя была удачной. Опухоль почти спала. Боли прошли, не было температуры. Еще через неделю врач снял лангет и сказал, что через недельку все будет хорошо и меня выпишут. В больницу приходили друзья и одноклассники, навещали, приносили что-нибудь – кто фрукты, кто конфет, кто лимонада. Мы сидели в укромном месте в больнице и разговаривали о чем попало. В палате мы хоть и были все больные, но вечером, после ужина, мужики травили интересные байки из своей жизни, так как телевизора не было, а спать-то было совсем рано.

Прошла третья неделя, и как-то странно все протекало – мне кололи уже по 6 уколов пенициллина, но ноге не становилось лучше. А в один день опять пошла опухоль и начались боли. Врачи крутили головой и ничего не понимали. Накладывали мазь Вишневского, делали электрофорез, и ничего не помогало. Самое странное – опять никаких изменений на рентгене. Врачи позвали родителей и сказали, что продолжать дальше лечение нет смысла и надо ампутировать ногу, пока не поздно. Это был шок для нас. Отец напился, и я его понимаю сейчас. Тогда он пришел к тому своему доктору-товарищу и сказал, что отрежет ему голову, если с моей ногой что случится. Потом он ходил по всем нашим врачам и спрашивал, как же можно помочь. Даже приносили святую воду из храма. Но время шло и не было никакой надежды.

Но верить надо всегда, и только в хорошее...

Не знаю, как и откуда, кто подсказал, но была последняя надежда на нового детского врача-педиатра. Она только что устроилась к нам в поликлинику после окончания медицинского института в городе Куйбышеве тогда. Мне было уже 13, и на детский возраст совсем не походил. Мы пришли в давно знакомое здание педиатрической приемной (не один и не десять раз я побывал тут) и, заняв очередь, сидели и ждали приема. Я был на костылях и даже стыдился, что такой большой уже, а все больной.

– Следующий, – позвала сестра в приемной, и это была наша очередь.

Я прошел в приемную, поздоровался и сел на стул. Родители стояли, мама впереди, а отец чуть позади за ней. Мама плакала, отец нервничал и одергивал ее. Но женщина-врач молодец, не выгнала нас, а прониклась к нашей беде. Выслушав, что произошло, и прочитав мою карточку, она сказала, что нам немедленно надо ехать в Куйбышев (Самара сейчас), в институт травматологии или костной хирургии к профессору Краснову. Она дала адрес и написала направление, что было равносильно путевке в жизнь. Мои родители не знали, как ее отблагодарить. Даже на моем болезненном лице появились какие-то положительные эмоции. Попрощавшись, мы пошли домой, окрыленные надеждой.

Весь остаток дня мы готовились к поездке. Отец надел костюм. Мама тоже что-то самое свое лучшее, ну и я что-то надел свежее. Наутро первой электричкой, в 5 часов утра, мы уехали в областной центр. От вокзала в Куйбышеве взяли такси (тут с отцом никто не спорил) и только молча сидели и смотрели по сторонам на проносившиеся мимо большие проспекты, высоченные дома. На небе занимался восход красными всполохами. Такси остановило нас у крупнейшего комплекса института и клиники. Но как только он уехал, нам, оказалось, еще надо было пройти приличное расстояние, так как он привез не в тот корпус. Но ничего. Мы потихоньку шли, боялись поскользнуться, было скользко в тот декабрьский день. И вот нужный белоснежный корпус, освещенный восходящим солнцем, взмывший свои 15—20 этажей ввысь. Спросив, куда идти, мы поднимались на нужный этаж. Уже на первом этаже мы поняли, это не периферийная поликлиника с десятком больных, а тут были буквально тысячи. Хоть и было утро, но уже работа кипела, как в улье. Сестры, доктора в белых халатах, санитарки, хозрабочие и огромное количество людей, прямо как на вокзале.

Я не узнавал отца, он, весь выпрямленный и такой уверенный в себе, шел, казалось, туда, куда надо. Мы с мамой семенили за ним. Мы пришли в приемную травматологического отделения, костного отделения. Вдоль стен на стульях сидели люди, похоже, тоже приезжие, и ждали очереди. Мы тоже заняли куда-то, как и все. Прошел час, два, три. Доктора входили и выходили во множество кабинетов, но мало кого вызывали. У меня отекала нога и стала ныть, не говоря о том, что и есть уже хотелось и что-то тут было не так: либо мы не туда попали, либо как-то по-другому тут принимают больных. Отец закипал уже и, не выдержав, стал стучаться в кабинеты, выяснять, где тут профессор Краснов, но ему отвечали, что он на обходе, но одно было хорошо – этот этаж был правильный. Через минут 30—40 двойные двери в коридор открылись и с лестничной площадки вышла прямо целая делегация. Впереди шел в белом халате и колпаке, в очках приличных, уже в годах доктор важного такого вида. Вокруг него шли молодые люди и тоже в халатах. Понятно было, что это практиканты или еще молодые врачи-аспиранты. В общем, важная процессия шла в нашу сторону и что-то обсуждала, не обращая ни на кого внимания, у них был свой мир вокруг.

И тут мой отец поднимается и, не спрашивая никого, не обращая внимания на мамин протесты и возмущенные взгляды уставших больных и их родителей, как танк ринулся уве-

ренной походкой к самому главному. Он уверенно и не грубо, но с таким напором пообщался с врачом, что оказалось, это и был профессор Краснов. Узнав, что мы тут сидим уже часа четыре и без приема и без какого-либо внимания, он не сердясь сказал мне:

– Пошли на прием.

Он взял мою карточку, отдал ее своим ассистентам и повел меня по коридору в кабинет. Родителей попросил остаться и не волноваться за меня, они меня осмотрят. Войдя в кабинет, я увидел, что посередине стоит мягкая высокая кушетка, куда он и указал мне ложиться, раздевшись до трусов. Пока я раздевался смущенно (было много молодых женщин вокруг), он читал мою медкнигу, анализы крови и пустил по кругу мои рентгеновские снимки. Попросил все рассказать. Как он возмущался на методы лечения, особенно на прокол меня пенициллином 6 раз в день в течение месяца или более. Я лег на кушетку, и они, уже не обращая на меня внимания, начали обсуждать профессионально (по-моему, кто-то и записывал даже), что видят, какое состояние суставов, ну и так далее. Потом меня начали ощупывать под мышками, в паху (что было совсем неловко). Я краснел, отворачивался. Потом услышал, что лимфоузлы увеличены и что-то еще, не помню. Пришел еще один профессор, и они уже все вместе, где-то человек 12, обсуждали, кто что видел, кто что предполагает. Обсудив со студентами, эти двое уже, похоже, знали, что это такое. Меня попросили одеться и сесть тут же в кабинете, студентам и аспирантам быть свободными до следующего их обхода. Они позвали моих родителей и представились уже по полной программе – один профессор травматологии и костных заболеваний Краснов, а второй профессор, помоложе и тоже костник, Чернов (немного забегу вперед – с племянником Чернова я служил в одной роте, вот это переплетение жизненных дорог). Мои родители ждали с нетерпением, что же они скажут, потерять ли мне ногу или нет. Они сказали хорошую новость – ногу я не потеряю, но заболевание серьезное и хроническое уже – ОСТЕОМИЕЛИТ (заболевание костных тканей, когда они становятся, как кефир, и, естественно, ходить нельзя). Как же и где меня лечить, спросили родители, раз у нас в городе об этом ничего не знают и, как результат, будет еще большее запущение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.